

Когда Фэн Нин собрался уходить, ему внезапно пришла в голову одна важная мысль.

Он осторожно дважды постучал в дверь, заглянув в щель и вытянув шею, после чего крайне нервно спросил:

— ...Цин Лан, так ты всё-таки уйдёшь?

— Убирайся!

Из комнаты донёлся раздражённый голос юноши.

...Ну ладно.

Фэн Нин втянул голову обратно и пожал плечами.

Когда Фэн Нин осознал, что Цин Лан оказывается его собственным учеником, на сердце у него, если честно, шевельнулось крошечное, едва заметное сомнение.

В конце концов, табу посерьёзнее склонности к однополой любви — это склонность к однополой любви между учителем и учеником.

Это означало, что в будущем ему предстоит столкнуться с ещё более суровыми обвинениями и тяжёлыми испытаниями.

Однако Фэн Нин всё тщательно взвесил.

Если он сможет обрести любовь и заполучить прекрасного юношу,

То даже если весь мир ополчится против него, он, Фэн Нин, примет это с радостью.

Вскоре после этого Фэн Нин из чисто эгоистичных побуждений издал строгий запрет.

— Отныне все новички обязаны проходить специальную вводную подготовку и не имеют права покидать гору Гуйнин ни на шаг.

А ученикам, которым срочно нужно было спуститься с горы, разрешалось делать это только после того, как они доложат Фэн Нину и получают особую бирку.

Мало того, он наложил мощный и прочный барьер на весь горный хребет Гуйнин, и ни один ученик на всей горе не смог бы пробить барьер и сбежать.

...Кх-кх, хотя поступать так было не слишком благородно.

Но ничего не поделаешь, неужели утка, которая сама прилетела в суп, могла взять и улететь?

Спустя полчаса.

Дверь в Павильон Одинокого Нефрита с размаху распахнулась.

Фэн Нин поднял голову.

Это был Цин Лан.

С мрачным лицом и едва сдерживаемой яростью он спросил:

— Это ты запечатал всю гору Гуйнин?

Фэн Нин отложил кисть и с абсолютно невозмутимым видом ответил:

— Верно, поскольку предстоят усиленные тренировки для новичков, условия будут суровыми, и я опасаясь, как бы кто-нибудь из них не сбежал.

— В прошлые годы никакой подобной подготовки отродясь не было.

— Начиная с этого набора — появилась.

Цин Лан с гневом произнес:

— Ты же сам только что сказал, что одобришь моё прошение об отчислении, значит, я больше не ученик горы Гуйнин, с какой стати мне нельзя отсюда уходить?

Фэн Нин ответил:

— Ранее я устно одобрил прошение Цин Яна, а вовсе не прошение Цин Лана.

От злости у Цин Лана перехватило дыхание, его грудь вздымалась. Он сделал глубокий вдох, стараясь обуздать эмоции, затем схватил кисть и тушь со стола Фэн Нина, низко склонил голову, молниеносно переписал прошение и швырнул его на стол:

— Так пойдёт?!

Фэн Нин моргнул и взял в руки заявление об отчислении.

В отличие от предыдущего заявления, в этот раз в графе «причина отчисления» красовалась гневная строка крупными иероглифами:

Потому что наставник — подлый и бесстыдный негодяй.

Что ж, весьма меткое описание.

Фэн Нин швырнул прошение об отчислении на пол и щелкнул пальцами — внезапно вспыхнувшее пламя мгновенно пожлобило бумагу, не оставив даже пепла.

Фэн Нин развел руками:

— Твое прошение об отчислении не прошло утверждение.

Цин Лан едва не задохнулся от ярости:

— ...Бессовестно!

Фэн Нин вздохнул и с видом крайнего раскаяния извинился:

— Прости, я поступил крайне бесстыдно.

Глядя на бессовестное и наглое лицо Фэн Нина, Цин Лан почувствовал, как тот величественный, благородный, мягкий и добрый образ наставника, что он так бережно хранил в глубине души, в один миг разлетелся вдребезги.

Цин Лан не желал больше смотреть на него ни секунды, резко развернулся и хотел было уйти.

Но в этот самый момент позади разнесся слегка упадочнический голос Фэн Нина:

— Прости, Цин Лан, я ведь не хотел прибегать к такому, но я уже пробовал другие способы с тобой, и ничего не помогло, так что мне оставалось только взять тебя силой.

...Взять силой?

Цин Лан больше не мог стерпеть и тут же крутанулся на месте, схватил стоявшую рядом вазу и швырнул её в обидчика:

— Какую еще силу ты хочешь применить?!

Дзынь!

Крепкая ваза размером с предплечье угодила прямо в лоб Фэн Нину и со звоном разлетелась на мелкие осколки.

Ярко-алая кровь потекла по виску Фэн Нина, пересекла его левый глаз, щеку и упала на одежду на груди, запятнав белые одежды. Зрелище было кровавым и шокирующим.

Цин Лан замер, его губы невольно дрогнули:

— ...Почему ты не увернулся?

Он ведь явно мог уклониться.

Он бы смог увернуться даже с закрытыми глазами.

Фэн Нин медленно вытер кровь с левого глаза и очень мягко улыбнулся Цин Лану:

— Я подумал, что так ты, пожалуй, сможешь немного выпустить пар.

Мерзавец.

Извращенец.

Дурак.

Бесчисленные ругательства застряли в горле, но Цин Лан не мог вымолвить ни слова.

Как бы сильно он ни ненавидел стоящего перед ним человека, этот человек всё же оставался его наставником Фэн Нином.

Тем самым наставником Фэн Нином, о котором он грезил все двенадцать лет, глядя в небо долгими бессонными ночами в бесконечном ожидании, и который почти стал его духовной опорой и навязчивой идеей.

Только сейчас Цин Лан заметил, что его правая рука, та самая, что только что швырнула вазу, до сих пор мелко дрожит.

Он обхватил её левой рукой, пытаясь унять эту дрожь.

<http://bllate.org/book/21918/2277252>